

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/36/23

М.Н. Вольф, А.В. Косарев

НЕОСОФИСТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА В СВЕТЕ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Явление (движение) риторического поворота сопряжено с новым пониманием классической риторики, которое возникает во второй половине XX в. – неософистической риторикой. Термин в силу своей неоднозначности труден для понимания и порождает споры и дискуссии среди представителей разных философских направлений. Эта ситуация проиллюстрирована на примере дискуссии о термине «Третья софистика» между В. Витанза и А. Кирога. Фактически эта дискуссия демонстрирует разницу в подходах к историко-философской методологии: разницу между контекстуалистским и апроприационистским подходами. Подробно разбираются основные принципы, характерные для каждого из этих подходов, обосновывается, что наиболее приемлемой методологией для корректного историко-философского анализа неософистической риторики и связанного с ней риторического поворота является апроприационистский подход.

Ключевые слова: неософистическая риторика, методология истории философии, третья софистика, софистика, риторика, апроприационизм, контекстуализм.

Возрождение интереса к риторике стало особенно заметным в последние несколько десятилетий. Этот интерес выходит далеко за пределы самого риторического знания и наблюдается сегодня практически в любой области, будь то академическая наука, общественная или политическая сфера. Для обозначения этого явления все чаще используется термин «риторический поворот» (риторический поворот в науке, в политике, в философии), и в самом общем виде он подразумевает появление новых (обновленных) форм научного исследования и, шире, дискурса, противопоставляющих себя объективизму¹.

Сколько бы различными ни были попытки осмыслить и дать границы этому явлению, большинство из них исходит из того, что риторика, о которой идет речь, переступает границы дисциплинарной матрицы классической риторики, и этот момент фиксируется терминологически – речь начинает идти о новой, или неософистической, риторике. Видно, что в данной терминологии прослеживается, с одной стороны, связь с софистами или софистикой, причем подразумевается некий специфический, характерный именно и только для софистов способ получения знания или ведения коммуникации, а с другой стороны, сохраняется связь с теми нормами и принципами, которые были характерны для классической риторики как искусства эффективной, убеждающей речи. В силу некоторой размытости понятия «неориторика» (или неософистическая риторика) и использования его в контексте различных дисциплинарных подходов нередко возникают затруднения с пониманием

¹ Этот феномен обсуждается в частности в [1]. Термин был введен Ричардом Рорти в 1984 году (Iowa Symposium on The Rhetoric of the Human Science) и обозначал один из трех, заключительный на сегодняшний день, видов движения по переосмыслению принципов исследования в науке (первые два – лингвистический поворот и интерпретативный поворот) [1. Р. vii].

того, что же именно стоит за этим общим термином, более того, возражения относительно его употребления звучат не от сторонников коммуникативной теории, современной риторики, политологов и др. – главные претензии озвучиваются историками античной философии.

Приведем один частный пример¹. В. Витанза предлагает характеризовать современное состояние философии и гуманитарной сферы вообще как «Третью софистику» [3, 4, 5]. Под первой софистикой обычно подразумевают движение софистов в Греции в V в. до н.э., под второй – римскую софистику II и III вв. н. э. Терминология была введена Филостратом, и он подчеркивал, что если первая софистика ориентирована на философские вопросы, то вторая – уже на систематизацию и описание человеческих типов, и тяготеет к литературе [6. С. 191]². В любом случае, термин «Третья софистика» в данном контексте подразумевает отсылку к Античности, что порождает определенные разногласия, но их суть становится очевидной, только если понимать, что оппоненты Витанза придерживаются строгого хронологического подхода к античной истории философии. Впервые, как мы сказали, термин был использован В. Витанза в ряде своих работ. Позже, после статьи Laurent Perot (1993), к этому термину обратились историки Античности [7, 8]. Они начинают понимать под «Третьей софистикой» период развития греческой имперской и христианской по преимуществу литературы и теологии IV в. н. э., когда риторика фактически обеспечивает взаимодействие культурной элиты Римской империи и набирающего вес христианства и вследствие этого понимается широко, включая в себя различные типы речей и литературных жанров. При этом, если в начале 2000-х годов на основании анализа стиля и содержания соответствующих раннехристианских текстов исследователи предпочитали говорить о «Софистике 2.1» или «Второй софистике бис» [7. Р. 41], то с выходом [9] можно считать, что термин «Третья софистика» закрепился в антиковедении. При этом А. Кирога [7], занимая резко критическую позицию по отношению к концепции Витанза, отмечает, что, хотя Витанза претендует на использование хронологического критерия, его термин должен быть понят как «ахронологический софизм» и не гарантирует аккуратности и корректности самой теории [7. Р. 31–42].

Дело в том, что В. Витанза относит период «Третьей софистики» к XIX–XX вв. и подчеркивает, что для него важна не последовательность софистик (*первая, вторая, третья*), аккуратно выдержанная в хронологическом ключе. Он придерживается диахронного подхода, ставя акценты на стиль и содержание, и относит к Третьей софистике таких далеко отстоящих друг от друга во времени авторов, как Горгий (которого он не слишком изычно называет «прото-Третье-софистическим ритором»), Ницше, Деррида, Лиотар, Фуко и

¹ Дискуссий в отношении правомерности использования термина «(нео-)софистическая риторика» и его значении довольно много. Одну из них, сугубо историко-философскую (между Э. Скъяппой и Дж. Пулакосом), мы подробно обсуждали в [2. С. 233–236]. Та дискуссия, которую мы намерены рассмотреть далее, интересна тем, что она выходит за рамки историко-философского дискурса и несколько провокационна ввиду занимаемой одним из ее участников, В. Витанза, позицией.

² Сама Б. Кассен, обсуждая речь Элия Аристиды «Против Платона», также использует термин «Третья софистика», но не в хронологическом аспекте его значения, а в том, которое означает некую иную риторику, отличную от риторики софистов и риторики философов, объективную и не зависящую от способов ее приложения, т. е. ни добродетельную, ни порочную и т.п. [6. С. 166–172].

др. [5. Р. 248, 257]. Критерием для выделения «Третьей софистики» и закрепления за ней особой роли становится принципиально новое понимание риторики, которая должна заменить собой традиционную философию, не претендуя при этом на то, чтобы быть основополагающим, фундаментальным знанием [3. Р. 41–42]. Понятая таким образом риторика оказывается, во-первых, «недисциплинарным», т.е. не систематическим знанием, которое нельзя отождествить с каким-либо учением, например платонизмом или аристотелизмом. Будучи вынесенной за скобки каких-либо учений или имен, такая риторика должна быть названа «постфилософской», поскольку, в отличие от философской риторики, не претендует на какое-либо «герменевтическое понимание», урегулирование интерпретативных различий, а, напротив, она устанавливает, обозначает и эксплуатирует эти различия. Во-вторых, она оказывается «метадисциплиной», поскольку не может использовать ни методы каких-либо дисциплин (сама являясь в некотором роде методом, инструментом написания любой из них), ни их содержание, поскольку в конечном итоге оно определяется способом его подачи [3. Р. 41–43]¹.

Итак, очевидно, что Витанза, помещая риторику в контекст «Третьей софистики», претендует на то, чтобы отказаться от понимания риторики в ее прежнем значении философской, или софистической, риторики, но вместе с тем ее содержание определяют те же самые персонажи, которые традиционно отождествлялись с континентальным крылом философии или (нео)софистической риторики.

Этот пример наглядно иллюстрирует те расхождения в способах оценки и реконструкции определенных философских идей, которые существуют сегодня в историко-философском знании. Подходы, которые реализуются в современных дискурсах, зачастую не находят поддержки и понимания у сторонников классических методов, ориентированных на работу с текстовыми свидетельствами. Чтобы понять, насколько конструктивен предложенный выше подход понимания «новой софистики» и действительно ли он обнаруживает новые возможности не только для риторики, но и для всей гуманитарной сферы, возводя ее до уровня универсальной и не зависящей от обстоятельств коммуникативной практики, лишенной универсальных эпистемических оснований, или это только «ахронологический софизм», необходимо уточнить содержание самого термина неософистической риторики и зафиксировать контексты, в которых он используется.

Если решать этот вопрос с позиций историко-философского анализа тех философских процессов, которые потребовали переоценки софистической

¹ Надо сказать, что сам Витанза все-таки несколько ангажирован в своей концепции, поскольку смотрит на риторику не под максимально независимым (мета-) углом зрения, а свое новое прочтение предлагает, исходя из определенной дисциплинарной области (которую, в свою очередь, определяет как синонимичную своему определению риторики) – с позиций курсов академического письма или композиции (распространенных в американских университетах, но с трудно подбираемыми аналогами в российской академической действительности). В каком-то смысле это может налагать отпечаток на заявление непредвзятости его позиции.

Кроме того, выводы и методы Витанза получили много нареканий не только в способах решения частных вопросов, но и в отношении его главной задачи. В своих работах Витанза претендует написание истории риторики, но от истории в них мало, во всяком случае, эта история выглядит крайне постмодернистской [10]. Эти моменты также могут играть пейоративную роль в восприятии выводов Витанза.

риторики, спровоцировали в целом усиление интереса к этой сфере, с целью их проблематизации, установления границ и генезиса этих процессов, необходимо определиться с позициями, с которых будет осуществляться такая историко-философская рефлексия. Иными словами, речь должна идти в первую очередь о выборе методологии.

Зачастую (особенно отчетливо это видно в квалификационных работах) выбор методологии историко-философского исследования представляется в некотором роде бессмысленной задачей, поскольку конечная работа все равно нередко сводится к «вглядыванию» в текст, а оформление методологического раздела превращается в неприятную рутину, поскольку иначе, как «реконструкция и интерпретация», охарактеризовать свою работу с историко-философским материалом авторы не в состоянии даже тогда, когда их интерес выходит за рамки текста и требует обращения к более широкому контексту. В нашем случае именно методологические дискуссии относительно конечных целей и задач истории философии в состоянии пролить свет как на выбор наиболее адекватной поставленным задачам методологии, так и объяснить существующие разногласия относительно термина.

На сегодняшний день в истории философии оформились два противостоящих друг другу подхода. Один – «антикварный» контекстуализм, или «просто история», не интересующаяся целями современной философии, но продолжающая держаться принципов историцизма. Для него принципиально важно, что историко-философская работа идет с некоторым текстом из прошлого, для понимания которого достаточно разместить его в тот контекст, в котором он был написан. Любая попытка выйти за рамки самого текста или оговоренного контекста ведет, по мнению сторонников этого подхода, к аисторическим, надуманным и ложным интерпретациям. Другой – апроприационизм, «присваивающий» подход, полагающий, что история философии гарантирует источник идей и аргументов для современной философии. Это оставляет мало от самой истории философии, которая работает с прошлым философских идей, сближая ее с собственно философией. Апроприационисты зачастую не заинтересованы в полной и достоверной картине прошлого, в адекватном понимании доктрин. Им важно только, каким образом эти доктрины могут помочь в разрешении или как минимум в оформлении (или даже служить обрамлением) современных философских проблем. Доктрины и методы переносятся в современность в таком виде, что зачастую полностью утрачивают собственный контекст и содержание, в лучшем случае сохраняя только некоторые из когда-то присущих им черт [11. Р. 1–4; 12. Р. 116–119]. Сторонники этих двух подходов нередко резко критически настроены друг к другу. Контекстуалисты с пренебрежением относятся к апроприационистам, приписывая им отбрасывание исторической правды. Апроприационисты считают историю ради самой истории, вне приложения ее к более широким задачам, бессмысленной, антикварной. Существенные отличия одного подхода от другого заключаются в том, что контекстуалисты во многом наследуют методам классической филологии, стараясь не отходить от буквы текста и языка, на котором этот текст написан. Апроприационисты полагают, что невозможно написать историю философии, не погружая ее в контекст современных проблем, иначе невозможно отличить вечные философские проблемы от частных сиюминутных задач. Иными словами, даже если мы придерживаемся требо-

ваний исторический правды, нужно помнить, что у истории философии иные задачи, чем у истории: она не может не выходить за рамки установленного определенным текстом языкового, исторического или понятийного контекста, иначе сами понятия и идеи останутся невнятными. Поскольку философия прежде всего предполагает работу не с фактами (еще один значительный вопрос, о котором спорит историко-философская методология – что считать философским фактом), а с аргументацией, которую используют философы для обоснования собственной позиции, понять такой аргумент, оценить его силу и состоятельность вне наших собственных принципов и парадигм мышления и не противопоставляя его современным способам построения аргументации, невозможно.

С точки зрения контекстуалистской истории философии термин «софистическая риторика» оказывается оксюмороном. Во-первых, говорят ее сторонники, софисты не создавали никакой риторики. Риторика как дисциплина оформилась вряд ли раньше эры Платона и Аристотеля. Во всяком случае, существует некоторый консенсус, опирающийся на диалог «Горгий» и признающий, что именно Платон «отчеканил риторику (как монету)» [13. Р. 16, п. 3]. Во-вторых, даже если условно допустить, что именно софисты заложили определенные основания риторики, такая софистическая риторика ничем принципиально не отличается от риторики платоновской или аристотелевской, поскольку не является каким-либо особым философским методом исследования реальности, но служит только оформлению речи определенным образом.

Технологии, характеризующие именно софистическую риторику, как правило, подразумевают использование и развитие техник, введенных Горгием, реже – Антифонтом или Протагором¹. Но наши источники об этих фигурах невероятно скудны, а истолкования их доктрин нередко целиком и полностью зависимы от той оптики, через которую смотрит на эти доктрины интерпретатор. Э. Скъяппа приводит пример: на протяжении XX в. в Протагоре видели позитивиста, прагматиста, феноменолога, эмпирициста, утилитариста, субъективного и объективного релятивиста, и, комментируя эту ситуацию, он пишет: «Если мы будем исследовать историю в соответствии с нашими вкусами, мы не увидим повсюду ничего, кроме себя самих» [14. Р. 196]. Таким образом, вердикт контекстуалистов для софистической риторики таков: используя этот термин, мы имеем дело с отсутствующим объектом, что сразу превращает любые наши выводы в ложные и необъективные. Кроме того, если не существовало софистической риторики, невозможно говорить о каком-либо *новом* ее варианте, иными словами, неософистическая риторика – такой же оксюмрон.

¹ Нередко под софистической техникой подразумевают те приемы, против которых выступал Аристотель в «Софистических опровержениях», но такой подход скорее свойствен апроприационистской истории философии. То, что часто называется «софистическими ухищрениями», «софизмами», развивалось и возникло существенно позже исторических софистов, и характерно скорее для современников Аристотеля. В частности, знаменитые софизмы «Рогатый», «Куча» и др. принадлежат представителю одной из сократических школ – мегарской – Евбулиду. Знаменитый софизм «Протагор и Еватл», который часто приписывают Протагору или используют как иллюстрацию рассуждений Протагора, не имеет к историческому софисту никакого отношения и приводится в своем сочинении Авлом Геллием (II в. н.э.). В данном случае речь должна идти скорее о многозначности античного понятия «софист». Как замечает Э. Скъяппа, термин «софист» размыт: в зависимости от того, кого мы называем софистами, тому мы и приписываем софистическую риторику [13. Р. 8].

Что касается апроприационистов, то для них это – спор о словах, но не о содержании. Их девизом могли бы стать слова Б. Кассен: «Как научили бы нас при необходимости Горгий и Антифонт, недостаток свидетельств не означает, что событие не имело места» [6. С. 162]. Для этого направления важны не тексты в контексте их написания, а те интерпретации и содержание, которые они получают, будучи размещенными в совершенно ином, отличном от исторического, контексте. Можно обозначить два типа апроприационизма: сильный и слабый. Для сильного, или абсолютного, направления вопрос исторической правды в принципе не интересен. Они используют готовые, устоявшиеся интерпретации, либо занимаясь их истолкованием, либо используя в каком-либо ином, не историко-философском ключе (в рамках истории логики, онтологических изысканий и проч.). Слабое направление предлагает различные интерпретации, исходя из текущего состояния философской науки и ее ключевых интересов, собственного видения интерпретатора и прочих подобных факторов, получая те результаты, о которых говорил Э. Скъяппа – искомый автор становится нашим собеседником, органично вписывается практически в любое направление современной философии, но теряет свою оригинальность и автономность¹.

В любом случае такие подходы рисуют картину прошлого, которая выходит за рамки стандартного видения, зафиксированного в античных источниках или свидетельствах (в частности, у Платона или Аристотеля), и тем самым вызывает нарекания со стороны контекстуалистов. Тем не менее многие современные интерпретации Горгия и софистики в целом именуют реабилитирующими, поскольку, вопреки стандартному платоновскому пониманию Горгия, он оказывается не просто великолепным мастером стиля, но и серьезным философом, с чем не согласились бы, исходя из того, что мы читаем в сохранившихся текстах, ни Платон, ни Аристотель. Термин «философская, или софистическая риторика» изнутри такого подхода не вызывает нареканий. Но если мы допускаем существование некоторого собственно софистического метода конструирования реальности в интерпретациях, которые возникают исключительно во второй половине XX в., то правомерно встает вопрос, а не ангажировано ли появление таких интерпретаций самим ритори-

¹ Как изменяются интерпретации, например, учения Горгия в зависимости от понимания роли его стиля и какие дискуссии идут вокруг этой темы, мы писали в [15. С. 276–278], где обсуждали направления, в которых идут интерпретации софистических доктрин, прежде всего Горгия. Риторический стиль Горгия принимается в качестве его онтологии. Речь не описывает прошлое, не рисует будущее, она совпадает со временем, в каком-то смысле речь и есть время. Речь создает свой предмет в момент произнесения [6. С. 10]. Иными словами, не предсуществующая онтология с присущим ей терминологическим аппаратом создает картину мира, а картина мира создается в момент произнесения речи, реальность определяется коммуникативной ситуацией, и создает эту реальность ритор, номиначески мигрируя от одной коммуникативной ситуации к другой. Начало такой интерпретации положил С. Консиньи в споре с другими реабилитирующими подходами, и она не была бы возможной без предварительных рассуждений Р. Рорти о противопоставлении фундаменталистской эпистемологии и герменевтики, которое задает иное понимание рациональности, предполагающее отказ от фундаментализма. Аналогичная модель может быть выведена из пост-структуралистских или хайдеггерианских рассуждений. В частности, к схожему видению ситуации приходит Б. Кассен, интерпретируя софистическую онтологию как логологию [6]. Таким образом, отметим, данная интерпретация базируется на постпрагматических и постструктуралистских положениях и едва ли выводима на основании самих только сохранившихся речей Горгия. Но при этом важно сместить акценты не на историческую правду таких интерпретаций, а на то, что история философии в таком ее приложении сама оказывается новой поисковой формой современного философского дискурса или в состоянии инициировать такие формы через проблематизацию античных софистических доктрин.

ческим поворотом? В любом случае, даже если принять во внимание пренебрежение контекстуалистов в отношении присваивающего подхода и отбросить его, это означало бы отбросить аналитический и оценочный подход к реконструкции философских идей¹, а вместе с ними и возможность соотнесения идей, понятий и аргументов прошлого и настоящего.

Таким образом, можно зафиксировать и уточнить задачу, которая стоит перед историей философии: описать и объяснить генезис такого явления, как «риторический поворот», можно с учетом того, что современный дискурс не только признает существование софистической риторики, вопреки возражениям контекстуалистской истории философии Античности, но и формирует само это представление о софистической риторике, настаивая на сознательной переоценке платоновского и аристотелевского видения софистики. Делая поправку на возражения контекстуалистской истории философии, можно сказать, что задача истории философии в отношении этого вопроса должна быть переориентирована. Отказ от термина «софистическая риторика» и объяснение его оксюмороном приведут к отказу замечать и понимать существенный пласт современных проблем философии и мировоззрения в целом, и по сути запрещают иные модели философствования и понимания мира, помимо тех, что были приняты в классических образцах. Однако и популярность термина «софистическая риторика», и переоценка софистики как философского явления как раз требуют от истории философии осмысления и анализа, почему и каким образом эта переоценка инициирует генезис риторического поворота. Причем важно не то, что переоценивается: отказ от платоновских подходов к софистам на протяжении всего XX в. очевиден и давно превратился в философскую рутину; важно понимание кардинального изменения ситуации. Те техники, способы рассуждения и соответствующие им доктрины, которые критикуются Платоном и Аристотелем, как неприемлемые для их времени, в современных реалиях оказываются полезными, даже необходимыми, но осмысливаются и утилизируются в каждом дискурсе своим особым способом. Включение определенным образом понятой изнутри апроприационистских моделей софистической риторики в новый, современный контекст и осмысление способов ее функционирования в нем порождают ту или иную форму неософистической риторики. Имеются два направления в философии XX в., которые либо сознательно нацелены, либо в какой-то мере исходят из переоценки классического видения софистики, а потому, на наш взгляд, напрямую ответственны за возникновение, становление и развитие неософистической риторики и риторического поворота, а потому историко-философский анализ именно этих направлений представляется нам необходимым для продуктивного понимания такого явления, как риторический поворот. Это неориторика (Ch. Perelman, S. Toulmin) и прагматизм (в частности, C.S. Peirce, J. Dewey и незаслуженно забытый F. C. S. Schiller), а также возрож-

¹ Слово «аналитический» мы используем в более широком значении, чем «подход, свойственный для аналитической философии». Речь идет не столько о приверженности методологии точных или естественных наук (как приверженности сциентизму), сколько о предпочтении аргументативной строгости, пусть даже в ущерб доктринальной точности.

денная версия прагматизма и неопрагматизм (R. Rorty, R. Bernstein, J. Margolis)¹, так или иначе выходящие на обсуждение коммуникативной проблематики.

Литература

1. *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry* / ed. by H.W. Simons. University of Chicago Press, 1990. 388 p.
2. Вольф М.Н. «Дедалы речей». Софистика в современных исследованиях // СХОЛН. Философское атикведение и классическая традиция. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 217–243.
3. Vitanza V.J. Critical Sub/Versions of the History of Philosophical Rhetoric // *Rhetoric Review*. 1987. Vol. 6, № 1. P. 41–66.
4. Vitanza V. «Some More» Notes, Toward a «Third» Sophistic // *Argumentation*. 1991. № 5. P. 117–139.
5. Vitanza V.J. *Negation, Subjectivity, and the History of Rhetoric*. State University of New York Press, 1997.
6. Кассен Б. Эффект софистики / пер. с фр. А. Россиуса. М.; СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга, 2000. 238 с.
7. Quiroga A. From Sophistopolis to Episcopolis. The Case for a Third Sophistic // *Journal for Late Antique Religion and Culture*. 2007. № 1. P. 31–42.
8. Fowler R.C., Quiroga Puertas A.J. A Prolegomena to the Third Sophistic // *Plato in the Third Sophistic* / ed. by Ryan C. Fowler. De Gruyter, 2014. P. 1–30. viii. 309 p.
9. *Plato in the Third Sophistic* / ed. by Ryan C. Fowler. De Gruyter, 2014. viii. 309 p.
10. Scott R.L. Non-discipline as a remedy for rhetoric? A reply to Victor Vitanza // *Rhetoric Review*. 1988. Vol. 6, № 2. P. 233–237.
11. *Philosophy and Its History. Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy* / ed. by M. Laerke, J. E.H. Smith, and E. Schliesser. Oxford, 2013. 362 p.
12. McComiskey B. *Gorgias and the New Sophistic Rhetoric*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 2002. xiii + 156 p.
13. Schiappa E. Sophistic Rhetoric: Oasis or Mirage? // *Rhetoric Review*. 1991. Vol. 10, № 1. P. 5–18.
14. Schiappa E. Neo-Sophistic Rhetorical Criticism or the Historical Reconstruction of Sophistic Doctrines? // *Philosophy & Rhetoric*. 1990. Vol. 23, № 3. P. 192–217.
15. Вольф М.Н. Горгий Леонтийский и античная модель дескриптивной эпистемологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 2 (34). С. 269–280.
16. Mailloux S. *Sophistry and rhetorical pragmatism* // *Rhetoric, sophistry, pragmatism* / ed. by Steven Mailloux. Cambridge University Press, 1995. P. 1–32.
17. Вольф М.Н. Софистика. Горгий Леонтийский: Трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 249 с.

Volf Marina N. – Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/23

Kosarev Andrey V. – Institute of Philosophy and Law of the SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/1998863X/36/23

¹ Если Шиллер был первым, кто указал на связь между протагоровской софистикой и софистической риторикой, отрицая традиционный взгляд Платона на Протагора, и задавался вопросом, какие именно риторические, коммуникативные процессы позволяют согласовывать меру, установленную или принятую одним человеком с мерой другого, то именно Дьюи впервые обратил внимание на родовое сходство между прагматизмом и коммуникацией [16]. Именно он в *Experience and Nature* (1929) четко обозначил те особенности, присущие коммуникации, которые вообрал в себя прагматизм. Это способы, которыми язык взаимодействует с опытом, события трансформируются в объекты, строятся отношения между значением и знаком и т.д. Для прагматизма важно, что мир един, но создается он общими усилиями. Восприятие мира и взаимодействие человека с ним подразумевает ясное описание мира и его феноменов посредством осмысленных знаков, которые в процессе коммуникации могут быть переданы одним человеком другому с различной степенью ясности (что, в каком-то смысле, подхватывает софистическую проблематику коммуникации между разными людьми или установление связи между собственными впечатлениями одного человека, и предлагает средства для решения проблемы, обозначенной Горгием в третьем аргументе [17. С. 176–184]).

NEO-SOPHISTIC RHETORIC IN VIEW OF THE METHODOLOGY OF THE HISTORY OF PHILOSOPHY

Keywords: neo-sophistic rhetoric, methodology of the history of philosophy, third sophistic, sophistic, rhetoric, appropriationist approach, contextualist approach

The rhetorical turn phenomenon is associated with a new understanding of classical rhetoric, which raised in the second half of XX century – neo-sophistic rhetoric. The term because of its ambiguity is difficult to understand, and gives rise to controversy and debate among the proponents of different philosophical fields. This situation is illustrated by the discussion of the term «Third sophistic» between V. Vitanza and A. Quiroga. In fact, this debate demonstrates the difference between two approaches in the methodology of the history of philosophy: contextualist and appropriationist approaches. This paper examines the basic principles, specific to each of these two approaches. Appropriationist approach often receives negative feedback due to its intense modernization the ideas of the past. The paper gives some reasons for the point, that the most appropriate methodology for a correct historico-philosophical analysis of neo-sophistic rhetoric and the rhetorical turn bounded with it is appropriationist approach because of it gives the most accurate relation between the ideas, concepts and arguments of the past and present.

References

1. Simons, H.W. (ed.) (1990) *The Rhetorical Turn: Invention and Persuasion in the Conduct of Inquiry*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Wolf, M.N. (2014) “Logodaidaloi”: The sophistic in contemporary studies. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe atikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 8(2). pp. 217–243. (In Russian).
3. Vitanza, V.J. (1987) Critical Sub/Versions of the History of Philosophical Rhetoric. *Rhetoric Review*. 6(1). pp. 41–66.
4. Vitanza, V. (1991) “Some More” Notes, Toward a “Third” Sophistic. *Argumentation*. 5. pp. 117–139. DOI: 10.1007/BF00054001
5. Vitanza, V.J. (1997) *Negation, Subjectivity, and the History of Rhetoric*. New York: State University of New York Press.
6. Cassin, B. (2000) *Effekt sofistiki* [Effect of sophistry]. Translated from French A. Rossius. Moscow; St. Petersburg: Moscow Philosophical Foundation; Universitetskaya kniga.
7. Quiroga, A. (2007) From Sophistopolis to Episcopopolis. The Case for a Third Sophistic. *Journal for Late Antique Religion and Culture*. 1. pp. 31–42.
8. Fowler, R.C., & Quiroga Puertas, A.J. (2014) A Prolegomena to the Third Sophistic. In: Fowler, R.C. (ed.) *Plato in the Third Sophistic*. De Gruyter. pp. 1–30.
9. Fowler, R.C. (ed.) (2014) *Plato in the Third Sophistic*. De Gruyter.
10. Scott, R.L. (1988) Non-discipline as a remedy for rhetoric? A reply to Victor Vitanza. *Rhetoric Review*. 6(2). pp. 233–237. DOI: 10.1080/07350198809359168
11. Laerke, M., Smith, J. E.H. & Schliesser, E. (eds) (2013) *Philosophy and Its History. Aims and Methods in the Study of Early Modern Philosophy*. New York: Oxford University Press.
12. McComiskey, B. (2002) *Gorgias and the New Sophistic Rhetoric*. Carbondale: Southern Illinois University Press.
13. Schiappa, E. (1991) Sophistic Rhetoric: Oasis or Mirage? *Rhetoric Review*. 10(1). pp. 5–18. DOI: 10.1080/07350199109388944
14. Schiappa, E. (1990) Neo-Sophistic Rhetorical Criticism or the Historical Reconstruction of Sophistic Doctrines? *Philosophy & Rhetoric*. 23(3). pp. 192–217.
15. Wolf, M.N. (2016) Gorgias of Leontini and Ancient Greek model of descriptive epistemology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(34). pp. 269–280. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/34/32
16. Mailloux, S. (1995) Sophistry and rhetorical pragmatism. In: Mailloux, S. (ed.) *Rhetoric, sophistry, pragmatism*. Cambridge University Press. pp. 1–32.
17. Wolf, M.N. (2014) *Sofistika. Gorgiy Leontiyskiy: Traktat “O ne-sushchem, ili O prirode” v sovremennykh interpretatsiyakh* [Gorgias of Leontini: A treatise “On not-that exists, or On the nature” in modern interpretations]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.